

ВОРОЖЕЯ.

Прибывъ самъ—другъ съ товарищемъ въ дѣйствующую армію нашу, подъ Силистрію, мы начали устроиваться тамъ и обзаводиться военно—походнымъ хозяйствомъ. Одна изъ первыхъ и главныхъ потребностей, или принадлежностей его, для новичка, это — конюхъ и конюшенный, приспѣшникъ и кравчій, домострой и постельникъ, уходчикъ и пѣстунъ, въ одномъ и томъ же лицѣ, то есть деньщикъ. Намъ привели двоихъ малоспособныхъ для фронта пензянь, и, послѣ недолгихъ переговоровъ съ ними, мы въ самомъ дѣлѣ убѣдились въ добросовѣстномъ выборѣ ихъ, то есть въ малоспособности ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, не только по части фронтовой. Андрей, доставшійся, по семейному раздѣлу, на долю товарища моего, показалъ по крайней мѣрѣ съ первого дня необычайную способность къ

ѣдѣ, пожирая все безъ разбору, въ какомъ угодно видѣ и количествѣ; Степанъ же, мой несчастный и невольный прихвостень, не могъ похвалиться даже и этимъ: нѣжныи, брезгливыи, слабосильныи, вялыи и визгливыи, съ бѣлобрысымъ женскимъ лицомъ, съ суконнымъ языкомъ, который не умѣль произнести половины буквъ русской азбуки, этотъ матушкинъ сынокъ болѣе походилъ на какого-то барскаго баловня, чѣмъ на солдатика; онъ ходилъ всегда неряхой, распустивъ нюни, не умѣль ни умыться, ни застегнуться, по крайней мѣрѣ, не любиль ни того, ни другаго, и въ оправданіе свое приводилъ то, что быль не крестьянскій сынъ, а подкидыши тонкаго происхожденія, которому тошно было хлебать деревянною ложкой. Что касается Андрея, онъ обжорливость свою оправдывалъ тѣмъ, что въ Пензенской губерніи два года сряду быль неурожай и голодъ; а относительно неуклюжести своей сознавался откровенно, что на то была воля Господня.

Два земляка эти, поступившіе вмѣстѣ въ общее хозяйство наше, ссорились и бралились всегда и вездѣ, гдѣ только сходились, а судьба и служба свела ихъ у насъ и къ одному костру и подъ одну общую ношемку. Вникнувъ въ силу и способности каждого, мы пожаловали Андрея саномъ конюшаго и обознаго, а Степана произвели въ дворецкіе, расходчики, ключники и приспѣшники. Андрею поручены были походныя лошади, фуражъ, выюки и присталый болгарскій пёсь; Степану, по сокрытымъ въ немъ наклонностямъ и дарованіямъ — уходъ за господами, одежда, столь, кухня и оружіе. Въ походное время обязанность приспѣшника незамысловата: каша — мать наша, да кашица — кормилица, отвѣчаютъ за все. Но оказалось, что и эта незатѣйливая обязанность не только затрудняла бѣднаго Степана, а приводила его въ совершенное отчаяніе. Отъ близости огня у него трескались и болѣли лицо и руки: онъ не выходилъ изъ цыпокъ; первое и послѣднее блюдо наше — каша, всегда

пригорала, потому—что онъ никакъ не могъ выучиться мѣшать ее со дна, а поваживалъ веселкомъ сверху, взбалтывая одну жижицу; притомъ онъ и боялся приступиться къ огню и дыму, даже не умѣлъ подойти къ котелку съ—навѣтру, а садился подъ дымъ, куксилъ глаза и плакаль, какъ малый ребенокъ. При всемъ желаніи сохранить въ походной семье своей миръ и покой, мы за все этоссорились съ нимъ, а онъ отпискивался визгливымъ голосомъ, увѣряя, что ему и такъ уже нѣть мочи, что тяжкая служба вгонить его въ гробъ, а за тѣмъ начинать горько плакать и попрекать Андрея, называя его обжорой и дармоѣдомъ. Предлогомъ къ попрекамъ этимъ главнѣйше служило то, что Степа вариль на Андрея кашу, то есть что и самъ Степанъ и Андрей ъли изъ одного общаго съ нами котла. Не было никакой возможности вразумить этого взрослого ребенка, что, напротивъ, Андрей работаетъ за него, а онъ живеть полубариномъ, потому—что у Андрея на рукахъ шесть лошадей и вся тяжелая работа. Изъ этого

вскорѣ вышли взаимные ссоры и попреки, потому—что и Андрей, при всей медвѣжьей кротости и малорѣчности своей, не оставался въ долгу передъ землякомъ своимъ, особенно, когда Степанъ называлъ его обжорой, божась, почти со слезами, что ненасытную утробу эту ничѣмъ нельзя наполнить, и что Андрей, въ продолженіе каждого перехода, особенно ночнаго, пожираетъ всѣ наличные сухари и, сверхъ того, столько сыраго пшена, сколько успѣть украсть у дворецкаго Степана. Андрей отбранивался, бормоталь и оправдывался двугодичнымъ неурожаемъ въ Пензенской губерніи.

По случаю подобной ссоры, Стёпа однажды провозгласилъ рѣзкимъ и плаксивымъ голосомъ на весь станъ, что Богъ накажеть когда нибудь Андрея за его прожорство, и что Андрей непремѣнно будетъ современемъ воромъ. На чѣмъ онъ такъ положительно основывалъ такое заключеніе — неизвѣстно; но Андрей, въ свою очередь, вздумалъ обидѣться такимъ пророчествомъ и напустился на Стёпу,

стараясь кричать изо всей силы, хотя и ворчаль себѣ только подъ нось, такъ что, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, брани этой никто бы и не слышалъ, еслибъ Степанъ, отчаянно завывая, не повторяль словъ Андрея напѣвомъ причитанья по покойнику. Андрей предсказалъ своему товарищу другое, а именно, что онъ будетъ повѣшенъ, какъ скаредный жидъ. За что, кѣмъ и какъ — этого Андрей, нелюбившій многословія, не объясняль; не менѣе того Степанъ расплакался за обиду эту и выль навзрыдъ, на смѣхъ и позоръ кочевыхъ обитателей всѣхъ сосѣднихъ палатокъ, а къ довершенію всего, пришелъ къ намъ жаловаться на Андрея, точно какъ семилѣтній ребенокъ на своего школьнаго товарища.

Прошло нѣсколько дней, и армія наша, внезапно снявшись, пошла на встрѣчу визирю, разбила его подъ Кулевчами, расположилась на время подъ Шумлою, опять снялась и перевалилась черезъ Балкань. Послѣ занятія Селимно, гдѣ турки стали было окапываться и притворились,

будто хотять дать отпоръ, мы опять снялись и пошли далѣе, на Адріанополь. На этомъ переходѣ, среди роскошной природы и въ прекрасный лѣтній день, мы съ товарищемъ утѣшались еще одною, весьма благотворною для насъ случайностью: мы достали въ Селимно кой–чего съѣстнаго; такая пожива въ это время была въ рѣдкость, и, бесѣдуя о роскошномъ столѣ, который насъ ожидаетъ на привалѣ и ночлегѣ, мы уже спозаранку облизывались. У насъ именно появился бѣлый хлѣбъ, толокно изъ бобовъ, копченая рыба, медъ, каймокъ и маслины. Такой роскоши мы ужъ очень давно не зnavали, а потому и принялись, покачиваясь рядомъ на усталыхъ кляцахъ, перебирать и раскидывать на ушахъ, какой именно у насъ сегодня будетъ обѣдъ и ужинъ. Мы еще спорили о томъ, раздѣлить ли припасы эти на обѣдъ и на ужинъ, или устроить, вмѣсто обѣда, легонькую закуску, въ сухомятку, и попировать за походнымъ ужиномъ въ полномъ раздолѣ; я отстаивалъ послѣднее, потому особенно, что на ночлегѣ будетъ

подосужнѣе заняться этимъ дѣломъ: приваль, какъ нерѣдко случалось, можетъ выпасть очень короткій, такъ что не только не успѣшь вкусить всѣхъ предстоящихъ насущныхъ благъ, но, можетъ быть, доведется расхлебать въ попыхахъ недовареную крупицу. Товарищъ мой, напротивъ, требовалъ немедленной расправы, какъ только прійдемъ на приваль, утверждая, что всегда надо пользоваться настоящимъ и подручнымъ, не надѣясь на обманчивую будущность. Я возразилъ, что въ этомъ случаѣ будущность не можетъ быть названа обманчивою, потому—что весь богатый припасъ нашъ везется вслѣдъ за нами Стѣпой, въ пестрыхъ перекидныхъ сумкахъ.

За этимъ разногласіемъ засталъ нась и самый приваль; мы расположились у маленькаго кустика — все какъ будто притонъ — и вскорѣ отыскали своего главнаго конюшаго, Андрея, а Степанъ куда—то запропастился. На бѣду, у него, какъ у метр—д'отеля нашего, были всѣ наши съѣстные припасы, все, кромѣ мѣшка

сухарей, навьюченного позадь Андрея. Долго мы поглядывали во всѣ стороны, не постигая, куда этотъ розиня дѣвался; долго мы искали его, то пѣши, то верхами, разсылали также во всѣ стороны Андрея, но Степанъ пропалъ, какъ сквозь землю провалился, а съ нимъ вмѣстѣ и обѣдъ нашъ, который и пришлось такимъ образомъ по неволѣ отложить до ужина. Мы снялись съ привалу впроголодь, на всемъ переходѣ продолжали искать своего Стёпу, пропускали мимо себя весь отрядъ и на рысяхъ опять вступали въ свои мѣста, разспрашивали всѣхъ деньщиковъ, всю такъ называемую нестроевую, заподную силу, весь обозъ — но никто ничего не зналъ о Степанѣ. Мы разузнали только, что онъ утромъ на выходахъ опять перебранивался съ Андреемъ, потѣшая этимъ, по обыкновенію, всю обозную силу, что расплакался, разсердился и отѣхалъ съ своимъ выюкомъ въ сторону; болѣе его никто не видаль. Вечеромъ пришли мы на ночлегъ — Степана нѣть, и нѣть его по нынѣшній день: онъ пропалъ безъ вѣсти. На

самые настойчивые допросы наши Андрей ворчаль про себя хладнокровно, что Степана турки удавили въ лѣсу; при этомъ убѣжденіи онъ остался и, повидимому, не очень скорбѣлъ о такой незавидной участіи своего бѣднаго земляка и товарища.

Прошло года два или три; о Степанѣ давно забыли, какъ и о пропавшихъ съ нимъ вмѣстѣ лошадяхъ съ чемоданами и бобовыми толокномъ и медомъ. Андрей все еще служилъ вѣрой и правдой у моего товарища; несмотря на неисправимую несуразность свою, медвѣжью стать, неутолимую обжорливость по случаю двугодичнаго неурожая въ Пензѣ, и Богомъ данное тупоуміе, онъ попривыкъ жить въ домѣ по людски, быль тихъ и послушенъ, не пиль, стала довольно памятливъ на приказанія и въ особенности прослыть въ домѣ за честнаго человѣка: всѣ мелочныя покупки поручались ему, и никогда не было въ немъ замѣчено даже малѣйшей склонности къ поживѣ. Въ крайней простотѣ своей, онъ еще не выучился сводить самаго простаго счета, а указывая

пальцемъ на каждую купленную вещь, сказывалъ безошибочно, чего она стоила. Первое время, правда, онъ вздумалъ было, для памяти, класть на купленной говядинѣ мѣтки ножомъ, вырѣзывая въ ней столько ушей, сколько, по его способу счисленія, приходилось; но когда это ему запретили, то онъ вскорѣ привель память свою въ такое натужное положеніе, что затверживалъ безошибочно наизусть вѣсъ и цѣну. Глупостью своею, правда, онъnevсегда смѣшилъ, а иногда и выводилъ барина изъ терпѣнія; но гдѣ же взять деньщика—умницу, да притомъ еще и честнаго, когда уже давно сказано, даже о другихъ сословіяхъ, повыше деньщичьяго, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ?... Если же простота и бываетъ подъ—часть хуже воровства, то это, конечно, относится только до слона на воеводствѣ, а не до служителя: тутъ, конечно, честность и послушаніе дороже ума. Прислугѣ говорятъ: не дѣлай своего хорошаго или умнаго, а дѣлай мое худое или глупое...

Итакъ, Андрей жиль и служиль смирно и честно, соблазняя только иногда дворню моего пріятеля несуразностью своею и медвѣжими пріемами; но и этимъ онъ болѣе тѣшиль людей, чѣмъ досаждаль имъ, перенося съ удивительнымъ равнодушіемъ и стойкостью всѣ ихъ придирки и насмѣшки. Даже когда онъ начиналь ворчать и отбраниваться, то и это болѣе служило ко всеобщему увеселенію; сердиться и обижаться этою забавною воркотнею могъ только такой глупый, избалованный ребенокъ, какъ мой покойный Стёпа.

Но рать стоитъ въ полѣ до мира, а миръ стоитъ до рати. Въ людской моего пріятеля сдѣлалось однажды, какъ люди его выразились, большое замѣшаньеце. Послѣ сutoчнаго крику, браны и перекоровъ, кучерь пришелъ къ барину въ самомъ отчаянномъ расположени и началъ, по обычаю, рѣчь свою словами: «Власть ваша...» а кончилъ тѣмъ, что отъ Андрея житья нѣть въ домѣ и что Андрей укралъ у него пять рублей. Баринъ очень удивился

этой жалобѣ; и хотя считаль ее какою нибудь глупою клеветою, не менѣе того сдѣлалъ домашнее разбирательство, но не могъ раскрыть ничего и побраниль кучера за такой поклѣпъ на человѣка доселѣ всегда честнаго, тѣмъ болѣе, что у кучера быль одинъ только довольно голословный доводъ, что денегъ болѣе украсть было никому. «Власть ваша» говориль разобиженный кучерь: «а этакъ жить нельзя; а кромѣ Андрея украсть никому; притомъ Андрей и самъ сказывалъ, что другой деньщикъ и землякъ его, котораго турки гдѣ–то удавили, напророчилъ передъ смертью своею Андрею, что онъ неминуемо прокрадется и будетъ на своеемъ вѣку воромъ».

Трудно опровергать доказательства и убѣжденія такого рода. Кучерь говориль свое, успокоился повидимому на сутки, а тамъ опять пришелъ съ тою же жалобой и съ тѣми же на нее доказательствами. Баринъ вынужденъ быль прогнать его окончательно, объявивъ, что болѣе объ этомъ дѣлѣ ничего слышать не想要.

Прошло нѣсколькоъ дней; баринъ думалъ, что все забыто, какъ вдругъ опять кучеръ является съ слѣдующею просьбою: приказать Андрею сходить съ нимъ вмѣстѣ къ ворожѣ. «Если Андрей невиноватъ» говорилъ онъ «то ему бояться ничего; а коли струситъ, да не пойдетъ, такъ воля ваша, а онъ украдъ деньги». Чтобы отвязаться отъ докуки этой и кончить дѣло, баринъ безъ слова разрѣшилъ имъ идти вдвоемъ къ ворожѣ, въ томъ убѣжденіи, что знахари и шептуны въ этомъ отношеніи всегда бываютъ осторожны и никогда прямаго обвиненія, особенно въ глаза, никому не выскажутъ. Андрей не отказывался, и, послѣ предварительныхъ справокъ кучера, назначенъ былъ имъ день и велѣно быть на мѣстѣ съ восходомъ солнца.

Дѣло это было въ Петербургѣ, гдѣ всего довольно, даже и ворожей, хотя о нихъ, быть можетъ, и знать не всякий, но кому онѣ нужны, тотъ найдетъ ихъ тамъ всегда. Ворожея, о которой у насъ идетъ рѣчь, жила въ ветхомъ домикѣ у московской

заставы. Она — не застава, то есть, а ворожея — была въ то же время извѣстна не только въ кучерскомъ кругу, но и гораздо повыше. Сосѣди сказывали, что видаютъ иногда щегольскія кареты и коляски, если не у хилаго подъѣзда лачужки, то гдѣ нибудь невдалекѣ, и что кареты эти стоять тутъ по цѣлымъ часамъ, въ ожиданіи возвращенія господъ своихъ, пробирающихся украдкою по стѣнкѣ, то съ нахлобученой шляпой и приподнятымъ воротникомъ, то подъ опущеннымъ капоромъ и покрываломъ. Чѣмъ болѣе въ старухѣ этой выказывалось дикаго, страннаго и причудливаго, тѣмъ съ большимъ работѣствомъ и довѣрчивостью къ ней приближались. Она принимала посѣтителей по выбору, и то за великую милость, но ужъ зато всегда говорила одну только правду; а еслибъ ей случилось соврать что нибудь, то, вѣроятно, этимъ бы никто не похвалился, потому что упрямство и причуды ея извѣстны были вся кому, и она, какъ давно всѣ знали, врала, только развѣ съ умыслу, чтобы

одурачить нелюбаго ей посѣтителя. Есть пословица, которая спрашиваетъ: давно ли ты, бабушка, стала ворожить? и сама же отвѣчаетъ: а какъ нечего стало на зубъ положить; но пословица эта, какъ увѣряли, не шла къ нашей ворожеѣ, потому—что она ни за что и ни отъ кого не принимала денегъ, а принимала только посильныя приношенія въ пользу бѣдныхъ, погорѣлыхъ, заключенныхъ, калѣкъ, вдовъ и сиротъ, также на сооруженіе храмовъ, для чего у нея и были разставлены по всему столу кружки съ приличными надписями. Кто открываетъ и выбираетъ кружки эти и куда идутъ изъ нихъ деньги — обѣ этомъ некому было заботиться, да и ни у кого было бы обѣ этомъ допроситься.

Къ этой—то знаменитой ворожеѣ, которая всегда говорила одну только правду и разгадывала все, что хотѣла, кучерь нашъ получилъ доступъ, за великую милость, по тому поводу, что наша Марина вашей Катеринѣ приходится двоюродной Прасковьей: ворожейкина кухарка и кофейница, коренная выборгская чухонка,

приходилась сватьей кумъ кучера по племяннику ея, отставному солдату, отдавшему дочь за подмастерья серебряныхъ дѣль.

Итакъ, пригласивъ еще съ вечера Андрея, который, не призадумавшись, готовъ былъ идти къ какой угодно ворожеѣ, потому—что совѣсть у него чиста и онъ никакихъ ворожей не боится, кучеръ всталъ до свѣту, разбудилъ медвѣдя—Андрея, помолился и натощакъ, какъ велѣно было, отправился съ Выборгской стороны за московскую заставу. Пришли кажется во—время: солнце только—что подымается. Кумина сватыя, ворожейкина кухарка, къ которой кучеръ осторожно постучался въ окно, объявила, что знахарка еще не вставала и велѣла обождать. Время стояло довольно теплое; у воротъ лачужки положена была доска на два камня, конечно, для терпѣливыхъ посѣтителей, и кучеръ съ Андреемъ присѣли рядомъ, какъ добрые пріятели, и, въ ожиданіи рокового суда, занялись дружеской бесѣдой. Прошло около получаса; кухарка,

обѣщавшая вскорѣ позвать посѣтителей, не показывалась; кучеръ всталъ и пошелъ къ покровительницѣ своей, чтобы справиться, въ добромъ ли здоровье хозяйка и скоро ли она осчастливить ихъ великими милостями своими. «А вотъ сейчасъ» сказала кухарка, которая также ходила *около горячаго*: «вотъ пойду и доложу опять», продолжала она, устанавливая чашку, кофейникъ и сливочникъ на подносъ: «я ужъ докладывала: обѣщала принять, хоть и поворчала немного. Вотъ, чай, позову скоро». Кучеръ пошелъ слѣдомъ за нею изъ кухни въ сѣни, благодаря ее съ поклонами на этомъ короткомъ перепутыи за многія и великія милости ея, обѣщаль не забывать ея впередъ и остановился, въ ожиданіи рѣшенія, въ сѣняхъ, передъ входомъ въ таинственную половину гадальщицы.

И въ самомъ дѣлѣ, не успѣль нашъ кучеръ выставить впередъ одну ногу, сложить и опустить передъ собою обѣ руки со шляпой и наклонить голову нѣсколько впередъ и на бокъ, и только-что собрался—

было вздохнуть и охнуть втихомолку въ этомъ выжидательномъ положеніи, какъ дверь съ жилой половины опять немного растворилась, и покровительница кучера, кумина сватъя, выглянувъ оттуда, торопливо сказала: «идите; зоветь!»

Кучеръ бросился опрометью къ воротамъ, призывая подсудимаго по имени: отвѣта не было. Выбѣжавъ за ворота, взглянувъ на лавочку и оглянувшись кругомъ, кучеръ выразилъ нетерпѣніе свое побранкою и продолжалъ, выходя на средину улицы и глядя то въ одинъ конецъ, то въ другой: «Что за недобрая! куда его теперь на грѣхъ унесло! Вотъ какъ осерчаетъ ворожейка, да не пустить меня за это, такъ и кланяйся, и пропали мои пять рублѣвъ! Экой проклятый! Андрей, слышь, что ли? Андрей!» Долго еще кучеръ покрикивалъ Андрея, то заходя во дворъ, то выходя опять на улицу, то за однимъ угломъ, то за другимъ — но Андрей не отзывался. Кучеръ еще оглянулся, нѣть ли гдѣ вблизи *заведенія*, куда бы могъ укрыться Андрей, соскучившись натощакъ

дожидаться развязки; но не говоря уже о томъ, что въ условіи было явиться натощакъ, такого заведенія нигдѣ вблизи не было видно, а проѣзжавшій порожнѣмъ извощикъ, на вопросъ кучера, увѣрилъ его, что его по близости нѣть. Отчаянный кучеръ не зналъ что подумать и что начать. Въ это время кухарка опять показалась въ дверяхъ лачуги и стала манить къ себѣ рукою кучера; онъ подбѣжалъ къ ней и только—было собрался распустить на свободѣ незастѣнчивую гортань свою, чтобы дать полный просторъ правдивому негодованію, какъ кухарка заставила его молчать и объявила, именемъ своей госпожи, что ему незачѣмъ ходить къ ней: она сейчасъ посмотрѣла на свои ногти и объявила это, прибавивъ, что кучеръ пропажи своей никогда не отыщеть, пусть и не хлопочетъ; воръ бѣжалъ изъ Петербурга и бѣжалъ такъ удачно, что его никто и никогда не найдеть.

Почекавши, поблагодаривъ и похмакавъ разъ десять, рассказывая притомъ, какъ Андрей вотъ сю минуту

былъ здѣсь и сидѣлъ воть на этой лавочкѣ, кучеръ наконецъ былъ покинутъ покровительницею своею и отправился домой. Во всю дорогу не переставалъ онъ честить Андрея всѣми почетами, какіе только приходили ему въ голову. Онъ надѣялся, однако, застать своего ворога дома, въ людской; но дома его не было, и домой, по крайней мѣрѣ, въ этотъ день онъ не приходилъ. Андрей никогда болѣе не приходилъ. Онъ пропалъ безъ вѣсти, какъ некогда землякъ его, Степанъ, только не повѣшенный турками, а прокравшись, и пропадаетъ по нынѣшній день.
